

ГРИБЫ, МУТАНТЫ
И ДРУГИЕ:
АРХИТЕКТУРА
ЭРЫ ЛУЖКОВА

ДАША
ПАРАМОНОВА

Даша Парамонова

**Грибы, мутанты и другие:
архитектура эры Лужкова**

«Strelka Press»

2013

Парамонова Д.

Грибы, мутанты и другие: архитектура эры Лужкова /
Д. Парамонова — «Strelka Press», 2013

Оценки лужковской архитектуры единодушны — здания такого безобразного эстетического и технического качества должны как можно скорее исчезнуть из московской застройки. Однако возможна и другая оптика. Книга выпускницы и преподавателя Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» архитектора Даши Парамоновой — остроумная попытка рассмотреть архитектурное наследие лужковской Москвы как бесценное свидетельство тех перемен, которые претерпело российское общество в постсоветскую эпоху.

© Парамонова Д., 2013

© Strelka Press, 2013

Содержание

Двадцатилетие и мэр	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Даша Парамонова

Грибы, мутанты и другие: архитектура эры Лужкова

Эта книга вызвана к жизни одним из произведений Борхеса. Точнее – смехом, прозвучавшим под влиянием его чтения, смехом, который колеблет все привычки нашего мышления – нашего по эпохе и географии – и сотрясает все координаты и плоскости, упорядочивающие для нас великое разнообразие существ, вследствие чего утрачивается устойчивость и надежность нашего тысячелетнего опыта Тождественного и Иного. В этом произведении цитируется «некая китайская энциклопедия», в которой говорится, что «животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору; б) бальзамированных; в) прирученных; г) молочных поросят; д) сирен; е) сказочных; ж) бродячих собак; з) включенных в настоящую классификацию; и) буйствующих, как в безумии; к) неисчислимым; л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти; м) и прочих; н) только что разбивших кувшины, о) издалека кажущихся мухами». Предел нашего мышления – то есть совершенная невозможность мыслить таким образом – вот что сразу же открывается нашему взору, восхищенному этой таксономией; вот какое экзотическое очарование иного способа мыслить предстает перед нами под покровом аполога.

Мишель Фуко, предисловие к книге «Слова и вещи»

С момента распада СССР прошло больше двадцати лет. Появилась дистанция, позволяющая оценить произошедшие изменения. В то же время есть ощущение, что это «прошлое» каким-то образом все еще продолжается, тянется, влияет на нас и нашу жизнь. Не отпускает. Современное общество, на первый взгляд, имеет мало общего с обществом начала 1990-х. Однако даже формально мы – всего лишь его продолжение.

1990-е принято ругать – «развал страны», утраченные ценности, политические и экономические реформы. Однако я испытываю к этому периоду сильную эмоциональную привязанность. То, что происходило в стране, напрямую коснулось меня и моих близких. То, что происходило с Москвой, случилось с моим домом и с моим районом. Нельзя сказать, что это были мои лучшие годы – было не просто. Но мы выросли вместе.

Моя личная связь с 1990-ми как частью прошлого плохо сочетается с общим мнением о московской архитектуре этого периода. Ее чаще всего откровенно ругают, особенно после ухода мэра Лужкова. Эксперты в области сохранения наследия и архитектурные критики едины: «посредственный дизайн», «физическая оболочка, неспособная прожить больше 50 лет», «отсутствие субъектов сохранения». Иными словами, наследие этого времени, если здесь вообще уместно использовать слово «наследие», обречено на исчезновение. Более того, «показательные» сносы построек лужковской эры должны послужить хорошим уроком для архитекторов – это не должно повториться.

Доказать, что постсоветская архитектура не имеет художественной ценности, вроде бы совсем нетрудно. Она действительно не блещет оригинальностью, не решает социальных проблем и к тому же часто использует недолговечные материалы низкого качества. Но, быть может, эта архитектура требует иных категорий и систем оценки, чем те, с помощью которых мы судим о традиционном архитектурном наследии, и привычные инструменты критика просто не позволяют нам разглядеть в ней нечто более ценное, нежели эстетические качества? Быть может,

плодотворнее рассматривать эту архитектуру как уникальное свидетельство яркого, противоречивого и неповторимого момента нашей истории – эпохи крушения крупнейшего социалистического государства и зарождения нового общества?

Идеологическая пустота, возникшая после развала СССР на месте прежних социалистических «ценностей» – «труда, справедливости, равенства», стала быстро заполняться новыми – «доходом, собственностью, демократией». Одновременно появилась необходимость построить почти с нуля материальный мир, столь презираемый советской идеологией. Общество принялось превозносить комфорт.

Произошел, говоря словами экономиста Александра Аузаиа, «невиданный в истории скачок от экономики дефицита к обществу потребления».

Транзитный период – переход от одного типа общества к другому – очень сложно зафиксировать: динамика и трансформация – его суть, и ни один конкретный момент его, ни одно свойство не являются окончательными. Возможно, однако, это удастся сделать именно с помощью архитектуры – ведь она способна материализовать динамику и, подобно покадровой съемке, фиксирует каждый этап изменений. При этом многие явления (я даже не рискну назвать их «объектами»), возникшие в этот период, в процессе своего развития меняются до неузнаваемости. Кроме того, в транзитный период традиции уступают место моде – как только меняется парадигма, породившая ту или иную архитектуру, последняя мгновенно теряет всякую ценность в глазах окружающих. Моя задача – увидеть наследие последних двух десятилетий как бы из будущего, найти то, что будет ценным через много лет, и описать то, что неминуемо исчезнет.

Двадцатилетие и мэр

За небольшой период, всего двадцать лет, в Москве зарождаются и успевают сменить друг друга две разные культуры. Но одно явление остается неизменным – мэр Лужков.

Юрий Лужков сменил Гавриила Попова на посту мэра в 1992 году. После «смутного времени» надо было наводить порядок и строить новую жизнь. Образ градоначальника менялся вместе со страной и Москвой в течение всего периода правления Лужкова. Председатель Мосгорисполкома в советские времена, член КПСС до ее последнего дня, вице-мэр Москвы, мэр-хозяйственник, политик, бизнесмен, изгнанник. Начав с «уборки» города, он переключился на крупномасштабные проекты по возрождению «былой Москвы», какой он ее видел, а затем замахнулся на Россию, но, потерпев неудачу в большой политике, так и остался в пределах своего города, где развернулся как настоящий хозяин. Лужков, можно сказать, любил культуру. Среди его увлечений – театр, музыка, скульптура. Но именно архитектура со временем стала его настоящей страстью. Мэр решительно менял городское пространство, руководствуясь исключительно собственным вкусом. Однако, удивительным образом, его личные пристрастия совпали с коллективным вкусом многих его современников. Принцип «новое лучше старого» и стилизация «под старину» были одинаково почитаемы как городской администрацией, так и горожанами. И неважно, шла ли речь о новой мебели в квартире и замене гипсовых карнизов на полиуретановые, или о реконструкции типа «снос с последующим восстановлением». Уникальное сочетание административного диктата предыдущей эпохи и новых «коммерческих» приоритетов позволило радикально модифицировать Москву по прихоти одного человека. Высказывания о преимуществе копий перед подлинниками создали Лужкову репутацию невежи, а чужеродные проекты в исторической среде превратили его во врага сторонников сохранения архитектурного наследия.

Лужков был неоднозначной, но, безусловно, яркой фигурой. Представитель первой генерации медийных политиков, политик-celebrity, политик-бизнесмен, политик-популист, он строил свой образ на простых, понятных каждому вещах – кепка, мед, метла. Его доходы, его личная жизнь, его высказывания продолжали обсуждаться даже после его отставки. Он так изменил образ Москвы, что еще не одно поколение историков будет разбираться в том, что произошло. Но главное – он задал вектор развития города на много лет вперед. Персональное участие в проектных решениях сделало Лужкова основателем нового стилистического направления в архитектуре. «Лужковский стиль» – синоним китча, безвкусицы, откровенно коммерческой архитектуры, напоминающий стилизованную декорацию.

Время правления мэра Лужкова делится на два этапа. После распада СССР Россия стремительно меняется вплоть до финансового кризиса 1998 года. В первое десятилетие за образец берется западная модель – демократия, свободный рынок, собственность, приоритет личности. В этот период в архитектуре Москвы воплощаются новые ценности. И хотя количественно в городе строят меньше, чем после 1998 года, именно в это время возникают самые яркие участники развернувшейся впоследствии дискуссии об архитектуре. Как только в начале 1990-х появляется возможность восполнить стилистические пробелы, возникшие при советской власти, в городе начинают строить все: «конструктивисты», «деконструктивисты», «классики», «постмодернисты» и приверженцы хай-тек. Молодое свободное общество разнообразно, и все в нем имеет право голоса. Появляются новые типы зданий – офисы, банки, многофункциональные жилые комплексы, торговые центры, и каждый оказывается своего рода упражнением в стиле: банк на Пречистенской набережной, «Уникомбанк» в Даевом переулке, «Инфобанк» на проспекте Вернадского, административное здание на Нижней Красносельской и другие.

Уже в первые годы перестройки у городского пространства появились новые функции. Они стали следствием появления новых типов коммерческой деятельности, адаптировавшей

город к своим целям. Эта деятельность, в свою очередь, породила различные формы коммерческой архитектуры – от рекламных вывесок до гигантских рынков. Коммерческая архитектура осваивала и захватывала город, подчиняясь законам прибылей и инвестиций. Одним из самых важных явлений, радикально трансформировавших постсоветское городское пространство, стал *коммерческий функционализм*, то есть возможность использовать любой участок как источник дохода. Его возникновение можно связать с Законом об индивидуальной трудовой деятельности, принятым в 1986 году. Будущий мэр Москвы Юрий Лужков на тот момент занимал должность председателя Комиссии по кооперативной деятельности Мосгорисполкома, то есть именно он стоял у истоков «коммерциализации». В это время на улицах появились первые частные торговцы. А принятый в 1992 году Указ президента РФ «О свободе торговли» превратил буквально каждый квадратный сантиметр города в коммерческий ресурс. Согласно указу, гражданам и предприятиям было разрешено торговать «в любых удобных для них местах, за исключением проезжей части улиц, станций метрополитена и территорий, прилегающих к зданиям государственных органов власти и управления». Коммерческий функционализм изменил город как с точки зрения объемно-планировочных задач, так и эстетически. Не только спроектированные объекты, но и сама ткань города стали подчиняться новым правилам. Именно коммерческий функционализм стал основой оценки эффективности всех архитектурных категорий и тем самым – главным формообразующим фактором в архитектуре последующих лет.

Архитектура и город с перестройки и до 1998 года. Верхний ряд – примеры коммерческого функционализма. Нижний ряд – новые стили и новые типы зданий: банк на Пречистенской набережной, «Униккомбанк» в Даевом переулке, «Инфобанк» на проспекте Вернадского, административное здание на Нижней Красносельской.

Но мечты о счастливом капиталистическом будущем сменились суровым капиталистическим настоящим. Точкой поворота становится кризис 1998 года – на смену революционной политике приходит тактика стабилизации. Архитектура второго, посткризисного, периода пытается быть более цивилизованной и сдержанной. Финансовые вложения отражают хладнокровность и продуманность решений. Архитектура взрослеет. В отличие от первого периода, когда она была скорее заявлением, высказыванием, провозглашением, во втором это уже воплощение статуса, стабильности, уверенности. Архитектура выходит за Садовое кольцо. Растущему среднему классу необходимо больше жилья – множатся разнообразные расписные панельные серии. Энергичному бизнес-классу предоставляется «достойный выбор». Это период расцвета девелоперских компаний (по упоминанию в прессе их владельцы опережают эстрадных знаменитостей) и производимых ими жилых комплексов: «Эдельвейс», «Эльдорадо», «Триумф». Заявленное еще в 1990-х взаимодействие с окружающей застройкой становится катализатором особого, адаптированного под местные правила архитектурного постмодернизма, который активно поддерживает мэр Лужков. Часть сносимых памятников архитектуры замещается анонимными объектами, которые в основном выпускают государственные проектные институты. Два самых ярких примера этого процесса – снос и последующее воссоздание магазина «Военторг» (2003) и гостиницы «Москва» (2004). Авторские проекты в это время имеют больше шансов быть реализованными в центре города, если их вписывают в историческую застройку через условную ордерную систему и другие имитирующие классику элементы, изготовленные, как правило, из тонких плит турецкого керамогранита. Другая возможность – использование дорогих нестандартных материалов для отделки сдержанных, подчеркнуто современных объектов. Архитектура становится скромнее, нейтральнее, но не имеет права быть скучной или мрачной. Москва заполняется бесчисленными офисными и торговыми центрами под легкими пижамами вентилируемых фасадов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.